

Вечерняя газета

Выходить ЕЖЕДНЕВНО, не исключая дней послѣпраздничныхъ.

Подписная цѣна:

на годъ въ Одессѣ и на города	4 р.
На 6 мѣсяцевъ	2 р.
На 3 мѣсяца	1 р.
На 1 мѣсяць	50 к.

Такса за объявленія:

Съ мѣста занимаемого строкой петита	
На 1-ой страницѣ	20 к.
На 4-ой страницѣ	15 к.
Приложенія съ тысячи	10 р.

Отдѣльный №. продается по 3 коп.

Контора «Вечерней Газеты» — Дерибасовская, 19 — открыта отъ 8 ч. утра до 7 ч. веч.

Подписка и объявленія принимаются: въ **Петербургѣ** и **Москвѣ** — въ «Центральной конторѣ объявленій» Л. и Э. Метцль, въ **Тирасполѣ**

Вѣчная память

А. П. Чехову.

Мы не станемъ въ этой небольшой замѣткѣ говорить о томъ, что всюду и всѣмъ говорится теперь о Чеховѣ, какъ о гениальномъ русскомъ писателѣ; мы не дадимъ здѣсь никакой характеристики его творчества, не будемъ искать символизма въ его конкретныхъ образахъ, не сдѣлаемъ никакого открытія въ области его идей, причисляя Чехова къ нео-идеалистамъ, какъ сдѣлалъ это А. Волынский, не станемъ вымѣрять публицистическимъ аршиномъ его общественной роли... Всю эту неумѣстную критику оставимъ въ старомъ... Теперь не до того. Передъ нами могила Чехова...

Всѣ мы только теперь вполнѣ сознали, чѣмъ былъ для насъ покойный Антонъ Павловичъ, какую невозвратимую утрату понесли мы въ немъ...

Въ этотъ тягостный моментъ, вслѣдъ за тѣмъ когда всѣ мы такъ мучительно почувствовали, чья многострадальная плодотворная, любвеобильная жизнь только что оборвалась,—у насъ хватило такта достойно, безъ лишняго шума и погребальной помпы проводить въ могилу дорогого намъ человека...

Мы не пустимся въ разсужденія о безнадежности чеховскаго пессимизма, не обнаружимъ грубаго непониманія свѣтлой, исключительной красоты его духа.

Со всѣхъ сторонъ слышимъ мы фразы «Чеховъ-пессимистъ проповѣдывалъ тоску жизни»...

Какой вздоръ! Какихъ только нелѣпостей ни слышимъ мы отовсюду изъ устъ присяжныхъ «салоппницъ» и плакатчиковъ, щедро расточаемыхъ передъ читателями въ формѣ надгробнаго слова!...

Черезъ все творчество Чехова безпрерывной траурной полосой прошла тихая элегическая грусть, теплая задушевная нѣжность, мягкое, осторожное, деликатное отношеніе къ нашимъ многочисленнымъ, близкимъ намъ, несчастіямъ, радостямъ, надеждамъ, мечтамъ...

И что-же?.. Только что не стало Чехова,—этого деликатѣйшаго и благороднѣйшаго изъ русскихъ писателей,—какъ вмѣстѣ съ воплемъ, съ теплымъ задушевымъ словомъ вырвавшимся изъ скорбящей души русскаго человека, посыпались съ газетныхъ страницъ банальные некрологи, — и заурядная житейская пошлость, которая такъ томила всегда свободную душу покойнаго, еще назойливѣе развернулася надъ его свѣжей могилой...

На могилу эту въ эти минуты мы положимъ только цвѣты и, низко склонивъ наши головы, будемъ долго стоять въ благоговѣйномъ молчаніи, прикованные величіемъ смерти, безвременно унесшей у насъ великаго смертнаго